

ПАМЯТИ АКТРИСЫ

Ольга Николаевна Андровская умерла на семьдесят седьмом году жизни; в траурном извещении сказано: «одна из старейших актрис Московского Художественного театра». Да, это так — одна из старейших по возрасту, по статусу, по неотъемлемости от творческой истории МХАТа за целые полвека с 1924 года, когда она была зачислена в труппу. Но со зрительским ощущением Андровской это не совпадает совершенно. Она играла то, что в человеке не стареет: изящество ума, душевную тонкость, озорной юмор, способный противостоять даже и серьезным ударам судьбы. Она играла свежесть чувств. Играла то, что было в ней самой, и на старости лет получила счастливую возможность открыть себя миллионам новых зрителей, сыграв «Соло для часов с боем». Спасибо телевидению: оно не опоздало. В дальних уголках страны люди, никогда не бывавшие во МХАТе (а в кино Андровская снималась мало), впервые увидели актрису, сыгравшую последнюю в своей жизни роль, и полюбили ее с первого взгляда: тою же нежной любовью, какой любила ее несколько десятилетий театральная Москва. И за то же самое: за непобедимую молодость души.

Андровская была уникальной актрисой. Ее место в труппе МХАТа, в раскладке актерских индивидуальностей, принадлежало ей одной, и найти точное определение ее стиля нелегко: обычная характеристика Андровской — «яркая комедийная актриса» говорит кое-что о ее амплуа, но ничего о природе ее обаяния. Ее комизм в 20-е годы находили несколько «французским» и «коршевским» (имея в виду, что Андровская начинала в театре Корша и ее учителем там был Николай Мариусович Радин-Петипа, блистательный «русский француз»), но фантически это проявлялось лишь в абсолютном чувстве формы, по сути же в ее зажигательной игре была сострадательность, отнюдь не «коршевская» глубина понимания; Московский Художественный театр получил в лице этой молодой москвички (до театра она была студенткой юридических курсов) актрису, по-настоящему близкую его идеям

испаниям и его главной цели — раскрытию жизни человеческого духа. У Андровской во МХАТе было не так уж много ролей, но каждую она играла подолгу, почти не имея дублеров, ибо если ее рисунок роли соответствовал режиссерскому решению спектакля, то уж никто другой такого рисунка дать не мог. Идеальная Сюзанна в «Женитьбе Фигаро», она онадилась при этом и идеальной соратницей Станиславского, сыграв все, что нужно было ему, так, как могла сыграть только она. Но это значит, между прочим, что и Станиславский в своей концепции спектакля учитывал, что у него есть такая актриса. С блестящей комедийной игрой связано понятие о неноторой если не холодности, то как бы отстраненности: вот перед нами мастерская работа и нам представляется ею любоваться. Блеску же Андровской была присуща горячая человечность. В Москве и повсюду ее, народную артистку СССР, любили не «издалека», а задушевно, как родную.

И все это вместе — блеск, изящество, душевная чистота и стойкость — даже драма несыгранных ролей — так полно, с таким количеством психологических совпадений сошлось в образе пани Контти из ее последнего спектакля, и такой патетической была эта первая встреча с новыми зрителями, ставшая и прощанием со всеми, кто ее любил и ного любила она, что в эти печальные дни мы прежде всего думаем о счастье актрисы, которой судьба дала пережить перед самой кончиной поистине звездный час.